

УДК 930 (091)

Е.А. Кулешова

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ В ИЗОБРАЖЕНИИ КУПЦА СИБИРСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX В.

Рассматриваются художественные произведения сибирских писателей с точки зрения религиозно-нравственного изображения сибирского купца. Статья написана с целью проследить особенности образа сибирских купцов в литературе в разрезе их религиозно-нравственных качеств, выявить причины такого изображения, сравнить с исторически сложившимся стереотипом и обозначить степень исторической объективности писателей. Автор не претендует на исчерпывающую характеристику данного вопроса, а показывает основные тенденции в создании религиозно-нравственного образа сибирского купца.

Ключевые слова: сибирское купечество, художественная литература.

В художественной литературе нравственному облику купцов, их религиозности уделялось большое внимание. Начиная с середины XVIII в. купец неизменно предстает перед нами окруженным иконами, едущим в церковь помолиться перед важной сделкой, жертвующим деньги на церковные нужды.

Социокультурный облик сибирского купечества, его религиозно-нравственные качества затрагиваются в работах таких известных исследователей, как В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко, В.А. Скубневский, В.П. Бойко, Ю.М. Гончаров, Н.Ю. Кошенова и др. [1–8]. В их работах дается более глубокая характеристика сибирского купечества на основе анализа широкого комплекса разного рода источников. Однако тема далеко не исчерпана и в настоящей статье рассматриваются художественные произведения сибирских писателей с точки зрения религиозно-нравственного изображения сибирского купца. Статья написана с целью проследить особенности образа сибирских купцов в литературе в разрезе их религиозно-нравственных качеств, выявить причины такого изображения, сравнить с исторически сложившимся стереотипом и обозначить степень исторической объективности писателей. Автор не претендует на исчерпывающую характеристику данного вопроса, а показывает основные тенденции в создании религиозно-нравственного образа сибирского купца.

Писатели, создающие образ купца в своих произведениях, в большинстве своем являлись непосредственными историческими свидетелями (современниками) деятельности сибирских купцов, наблюдателями проявлений их деловых и религиозно-нравственных качеств. Характеристики и оценки купечеству давались исходя из художественной задачи писателя, его происхождения, региона проживания, социально-экономических условий существования, времени создания произведения. Поскольку представители купеческого сословия происходили главным образом из крестьян и мещан, образ жизни гильдейцев мало чем отличался в бытовом и культурном отно-

шении от народного (особенно у купцов первых поколений). Постепенно появляются купцы нового поколения, с иными ценностными установками и ориентирами. Они понимают необходимость образования, просвещения, заботятся о воспитании собственных детей, учреждают стипендии для сибиряков – студентов столичных вузов. Все эти особенности нашли отражение в изображении купцов сибирскими писателями.

В первом периодическом издании Сибири «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», печатавшемся в тобольской типографии купцов Корнильевых с 1789 г., авторы журнала, ратуя за развитие промышленности, торговли, не могли оставить без внимания такие качества, свойственные многим купцам, как прижимистость, склонность к пьянству, восприимчивость к лести, простоватость. И жанры для высмеивания этих черт выбирались соответствующие: эпиграмма, басня. Большинство из них принадлежали П.П. Сумарокову – издателю журнала, поэту, племяннику известного писателя, дворянину, сосланному в Тобольск. В августовском номере за 1791 г., высмеивая скупость, автор наделяет героя эпиграммы говорящей фамилией Скрягин, другой носитель этого же порока грустит при мысли о приближении ночи лишь оттого, что придется жечь свечи. Склонный к пьянству Тит уже с утра выходит на улицу с фонарем, так как «...всякой раз предвидит, что до полуночи в шинке он просидит» [9. С. 54]. Другой автор, сосланный в Сибирь представитель крепостной интеллигенции, выслужившийся из солдат, организатор и преподаватель училищ Екатеринбургского полевого мушкетного батальона и Иркутского драгунского полка, поэт Н.С. Смирнов в аллегорической форме высмеивает простоватость, излишнюю доверчивость: «Добросердечный был хозяин человек: ослу за дерзость не пеняет... И в мыслях разсуждает: “Разумной человек, удобно может жить и с эдакой скотиной”...». И в заключение напоминает читателю о том, «что дружба сводить не должно со скотом» [9. С. 26–29]. Своеобразным итогом характеристики современных нравов звучат строки эпиграммы П.П. Сумарокова: «Мы зла единого на век не забываем, Неблагодарности следы мы зрим везде; Обиды на меди резцом изображаем, Благодарения ж мы пишем на воде» [9. С. 40].

Художественные «Записки» купца П.Т. Баснина, частично опубликованные его внуком, содержат описание и пояснение сибирских событий, что придаёт этому нарративному источнику особую историческую и литературную ценность. В «Мемориалах», как называл свой труд сам П.Т. Баснин, показан Иркутск начала XIX в., купечество выведено как сословие, целиком и полностью находящееся во власти деспотичного губернатора Н.И. Трескина. Большой интерес представляет личность самого повествователя как представителя купеческого сословия. Начиная свой труд «с Божией помощью», П.Т. Баснин предстает как человек прежде всего высоконравственный, сострадательный и добродетельный. По мере повествования раскрываются и такие его качества, как наблюдательность, просвещённость, правдолюбие. Он искренне возмущается произволом губернатора и его свиты, бедствиями и беззакониями, творящимися не только в Иркутске, но и по всей Сибири. В то же время П.Т. Баснин и осторожный, приспосабливающийся к царящим порядкам, чтобы выжить, потому что «...никто не мог чувствовать себя спокойным за свою участь, достаточно было намека,

неосторожного слова, взгляда, чтобы попасть в острог...». Поэтому и он «молчал, а сердце кипело», и «затаил злобу свою» перед правителем дел, правой рукой губернатора Ф.Ф. Белявским. П.Т. Баснин показал себя смелым человеком, держа ответ перед губернатором Трескиным: «Не доносчик я, не ябедник, а честный купец» [10. С. 544]. Несмотря на все положительные качества, чтобы сохранить свободу, снять «караул от дома» и иметь возможность вести переписку, вынужден был сделать подношение Агнессе Федоровне – супруге Трескина.

Важно отметить, что подобных отличающихся благочестием купцов нередко выбирали на должность церковных старост. Это укрепляло авторитет купцов, давало признание и уважение общества и свидетельствовало об их честном поведении и немалых жертвованиях на церковные нужды [11. С. 67–68].

Два диаметрально противоположных купеческих образа – праведника и грешника – выведены в романе иркутского писателя И.Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова». В романе нашли отражение события первой половины XIX в. Праведник Жолобов – божий человек. Благочестивый, добродетельный, помышляющий только о благих делах, благотворитель, «один из лучших тогдашних граждан». И его противоположность – Груздев. Жадный и подлый, «величайший скряга», проявляющий набожность только на людях [12. С. 6–30]. Действие романа развивается по законам романтического жанра, именно поэтому торжествует добродетель и наказывается зло.

«Записки Иркутского жителя», описывающие события «сибирского» периода жизни писателя (от первых годов XIX столетия до 1823 г.), были изданы уже после смерти И.Т. Калашникова. В них писатель раскрывается как человек просвещенный, высоконравственный и религиозный. Приводя описание Иркутска в целом, Калашников отмечает множество и богатство церквей, наличие двух монастырей, процветанию которых способствовало иркутское купечество: «Иркутские купцы, в числе которых были и миллионеры... весьма усердствовали к украшению монастыря» [13. С. 194]. Говоря о традициях Иркутска, приводит церковные праздники: Знамение Пресвятой Богородицы, в честь которого бывал крестный ход в котором, несмотря на мороз, «участвовало все народонаселение Иркутска от мала до велика... Всякая духовная процессия была торжеством целого города. Дух религиозный проникал равно во все сердца» [13. С. 196], встреча и проводы Казанской иконы Богоматери, запомнившиеся писателю ещё с детства. Говоря об иркутском купечестве в целом, он подчеркивает: «Самостоятельность, в первом десятке настоящего столетия, до приезда губернатора Трескина, особенно проявлялась в сословии купцов, составлявших аристократию Иркутска... Все они брили бороду и носили фраки» [13. С. 200]. В городе, где не было дворянства, именно купцы противостояли самоуправству местной администрации и нередко писали жалобы правительству, которые довольно часто признавались уважительными (до правления Пестеля и губернаторства Трескина). Калашников называет фамилии богатейших купеческих родов и характеризует их как людей достойных, умных, «готовых на всякое доброе дело», например благотворительность. «Титул благотворителя приобрел купец Чупалов. Он был добрый и простой, смиренный старичок», помимо мно-

гочисленных добрых дел выстроил каменный дом для больницы [13. С. 200]. Заметим, что русское восприятие богатства как испытания, как не столько личного, сколько общественного блага, активизировало благотворительную деятельность купцов. Калашников неоднократно подчеркивает влияние губернатора на нравы и поведение представителей гильдейцев: «Вообще в пляске их [на балу. – Е.К.] было много дикого, вакхического, но это и нравилось тогдашней Иркутской публике... По приезде в Иркутск генерал-губернатора М.М. Сперанского Иркутские балы совершенно изменили свой полуазиатский характер» [13. С. 212]. Говоря о перспективах, писатель отмечает, что купечество старшего поколения «предпочитало попойки», которые нередко заканчивались драками, «второе» поколение купечества пополнилось людьми образованными и «жаждущими науки» [13. С. 384].

Вероятно, достаточно длительная жизнь писателя в Иркутске и пример отца – уголовных дел стряпчего, человека не без образования, с увлечением писавшего, – позволили Калашникову создать живые и реалистичные образы купцов, дать описание их религиозно-нравственных черт исходя из личных наблюдений.

На страницах сказки известного русского писателя П.П. Ершова «Конек-горбунок» мы также находим упоминания о купцах. Немаловажно отметить, что вся торговля начинается только с разрешения городничего и после обедни. Называя их по примеру А.С. Пушкина «гостями», писатель иронизирует над их страстью к быстрой наживе и умению договориться с контролирующими лицами «надсмотрщиками»: «...Гости лавки отворяйте, покупайте, продавайте, надзирателям сидеть подле лавок и смотреть, чтобы не было содому, ни давёжа... ни погрому, и чтобы купецкий род не обманывал народ. Гости лавки отворяют, покупальщиков сзывают: Ой, честные господа! К нам пожалуйста сюда! Как у нас ли тары-бары всяки разные товары» [14. Л. 33]. Способность подмечать столь мелкие детали купеческой деятельности выработалась, вероятно, в результате того, что во время обучения в Тобольске он жил в семье купцов Пиленковых – родственников матери. Девятнадцатилетний автор со свойственным этому возрасту стремлением к идеальному обличает несправедливость и обман.

В повести «Дедушкин колпак», созданной писателем уже в зрелые годы, акцент делается на других купеческих качествах, это природный ум, смекалка, умение сосредоточиться на поставленных целях (проявившиеся благодаря дедушкиному колпаку), способность прийти к заветной цели. В повести обозначен духовный рост главного героя – разорившегося купеческого сына Ивана Жемчужина, постижение им ценности жизни и её основных проявлений. Образ Ивана в целом положителен: он довольно набожен, проявляет почтение к памяти родителей (прежде чем отправиться в долгий путь, посещает их могилу, служит молебен), вовремя смиряет свою гордость и идёт в сидельцы к хозяину, постигает ценность дружбы, узнает цену заработанных денег и становится разумно экономным. Выведены и купцы «старого покроя»: хозяин Жемчужина и его крестный, отличающиеся добротой, готовые оказать помощь и дать добрый совет: «живи себе честно да молись Богу, и все ладно будет» [15]. Оба оказали Ивану поддержку, когда тот взялся за ум.

Сам П.П. Ершов, будучи уже директором училищ Тобольской губернии, в конце 50-х гг. в с. Безруково решил поставить церковь на том месте, где стоял отцовский дом, выкупив дом, перешедший во владение к крестьянину. Правда, выполнить задуманное до конца не сумел – умер через 2 года после начала стройки. Храм все же через 7 лет был достроен крестьянами этого села [16].

Известный сибирский писатель и общественный деятель П.А. Словцов, характеризуя Тобольск («Прогулки вокруг Тобольска»), подчеркивает, что «город выигрывает от прибавочного приумножения капиталов», и если до 1822 г. город «старился», с деятельностью М.М. Сперанского «обновляется во внешнем показе, строится по лучшим чертежам» [17. С. 66]. В целом положительно оценивая тобольское общество: отдает дань проходящим там концертам, отмечает знание моды и вкус сибирячек, их умение вести домашнее хозяйство; с уважением упоминает купца первой гильдии М.А. Селиванова, пользовавшегося доверием всего общества, подчеркивает, что публичных училищ (гражданских, духовных и военных) всего шесть, а питейных домов в городе 29. «В шести заведениях можно кой-чему научиться, а в 29-ти после от всего разучиться!» [17. С. 152].

Важную составляющую в раскрытие облика иркутского купечества внесла семья Полевых. Происходя из рода курских купцов, отец семейства А. Полевой вынужден был заниматься винными откупами в Иркутске. Отличаясь природным умом, предприимчивостью, славясь своим кругозором, он дал своим детям образование. Хотя из-за затруднительного материального положения Н.А. Полевой, будущий писатель, вынужден был совмещать занятия литературой со службой в конторе богатого курского купца Баушева. На страницах его повестей купцы – основательные, с непременной окладистой бородой, носящие русские кафтаны, любящие поторговаться, понимающие свою выгоду. Они чтят традиции, держат купеческое слово, совершив сделку, крепко отмечают. В рассказе «Мешок с золотом» именно купцы помогают главному герою в сложной жизненной ситуации, оказываются милосердными и великодушными. Сначала это купец, дающий залог за сына Сергея, которого берет в работники, потом купец из меняльного ряда, наградивший Ванюшу за возвращение мешка с золотом [18. С. 382–411].

Принадлежавшая к семье Полевых известная в свое время бытописательница Е.А. Полевая, в замужестве Авдеева, в «Записках и замечаниях о Сибири» [19] несколько идеализирует купцов, соотнося с образом жизни собственного семейства. Отмечает такие качества, как деловая честь купцов, добропорядочность, патриархальная чистота нравов, любовь к чтению. По её мнению, старинный русский быт, соединенный со страстью к чтению, способствовал образованию оригинального и просвещенного иркутского общества, к которому относилось также купеческое сословие. Бытовой уклад купцов был примером жизни для остального населения сибирских городов в связи с отсутствием в Сибири потомственного дворянства.

К середине XIX столетия многие сибирские города активно развиваются, во многом благодаря появлению золотопромышленности. Развитие не могло существовать вне технического прогресса, поэтому

в купеческой среде безусловными ценностями становятся образование, внедрение новинок науки и техники. Купцы «нового» поколения стремятся дать детям лучшее образование.

В «Воспоминаниях сибиряка» сын купца второй гильдии Н.А. Белоголовый не только отдает должное своему отцу, характеризуя его как человека просвещенного, образованного, высокоморального, но и от-мечает, что все иркутское купечество проявляло большее стремление к образованию, чем купечество внутренней России. Несмотря на патриархальную жизнь нескольких старинных купеческих домов, большинство иркутских гильдейцев отличались активностью и подвижностью, проводя время в разъездах по России, общаясь с ссыльными, с декабристами, отдавали им в обучение детей. Это были, по его словам, люди «умные и деятельные, любившие работать мозгами» [20. С. 285]. Подобной характеристики удостоивается и купечество Тюмени в «Описании западной Сибири» И. Завалишина: «...духом торгового сословия ушел далеко вперед против всех городов сибирских и очень многих русских. Тюменское купечество славится не одним лишь широким гостеприимством и хлебосольством, но всегда готово и на всякий добрый и полезный подвиг» [21. С. 213].

Но встречаются и другие характеристики. В «Набросках сибирского поэта» писатель И.В. Федоров-Омулевский дает нелицеприятную характеристику Иркутску, увиденному им по возвращении из Петербурга спустя 18 лет: «...резко выделяя себя из семьи сибирских городов, ты знавал лучшие времена, обнаруживал жизненную энергию, название «столицы» носилось тобой тогда не даром. Я помню, как под железной рукой графа Муравьева-Амурского ты держал себя, что называется, «руку под козырек», я помню блестящую плеяду европейски образованных людей, дававших твоему обществу и вносивших в его жизнь осмысленное уважение к личности, нравственную чистоплотность и благопристойность... А теперь? Теперь оказывается, что ты или ничему не выучился, или все позабыл... Я навестил тебя всего два года тому назад – и нашел, по правде сказать... мерзость запустения. Весь твой прогресс, за всё это время, выразился для меня лишь разросшимся числом водочных заводов и резко бросающимся в глаза количеством “продаж” и “белых харчевень”, как называешь ты, из лицемерного приличия, свои грязные притоны пьянства и всяческих безобразий. Замечательно, что подобная конкуренция даже не улучшила, а скорее изгадила производство отравляющего напитка: от твоих продаж разлило за три версты сивушным маслом. И, однако, пьянство у тебя расцвело махровым цветом: пьют все, даже бабы и дети, чего не замечалось прежде» [22. Л. 1+об.].

Сибирский писатель Н.И. Наумов в «Летописях кулачества» создает стереотипный, с точки зрения крестьян образ купца. Быть в их понимании купцом – значит «уметь без помысла награть», «плутовать надо» [23. С. 1–24]. Таков зажиточный крестьянин Мятлев (не выкупающий гильдейское свидетельство из экономических соображений). Дом его – образчик нелепого копирования элементов дворянского дома, свойственного некоторым представителям купеческого сословия «нового» поколения, с венецианскими окнами и узорными колоннами,

резными карнизами и резным балконом, что в целом вид имело «весьма фантастический» [24. С. 1]. Вышедший из крестьян, в делах руководствуется принципом «человек с умом во всяком деле копейку ищет», в восприятии крестьян, приехавших просить лошадей, трансформируется «денег, что ковыля в поле, а все мало» – звучит как качество всех торгующих.

Таков же приговор томским купцам у К.Н. Станюковича, отбывавшего ссылку в Томске. Публикуя на страницах «Сибирской газеты» фельетоны, он дает нелицеприятную характеристику купечеству, не принявшему его в свое общество: «В портретной галерее купеческих типов возникает образ одного из сибирских «чумазы» – Кира Пахомыча Толстобрюхова. Его образ достаточно традиционен: это купец-толстосум, «туз», «пользующийся репутацией весьма почтенного человека среди большинства таких же “порядочных” жиганских коммерсантов». Его история тоже традиционна для купца этого типа: «из мужиков <...> а теперь миллион у этой канальи. Плут отъявленный!» И далее, подтверждая типичность представителя этого сословия: «Все они здесь такие <...> несколько лет тому назад был привлечен к делу и по суду оставлен в подозрении. Здесь немало таких “подозрительных”».

Кир Пахомыч идет «уверенными, твердыми шагами к цели», «рвет, где только можно» с уверенностью, что «всякого чиновника можно купить». Подчеркивается влияние купца: «целый округ был в руках у Кира Пахомыча <...> и сам исправник побаивался Толстобрюхова, так как от него зависело карать или миловать». Теперь «это была сила, с которой надо было считаться» [25. С. 15]. Использование типизации не случайно – таким образом автор дает понять, что подобные купцы традиционны для томского общества. Такое восприятие купечества было характерным для томской прессы того периода. Немаловажно помнить о вынужденном изолированном положении писателя, лишённого привычного круга общения, его слабом знакомстве с особенностями Томска.

Образы купцов рубежа столетий (конец XIX – начало XX в. – переломной эпохи в жизни нашего государства, когда с изменением устройства жизни меняется и её осмысление, отношение к представителям разных социальных классов, в частности к купеческому сословию), нашли отражение в творчестве В.Я. Шишкова. Выходец из небогатой купеческой семьи уездного города, Вячеслав Яковлевич юность провел в Томске. Исследователь Сибири, участник литературных кружков, один из близких знакомых Г.Н. Потанина, Шишков, накопив жизненный материал, в Томске начинает путь писателя. В рассказах из «тунгусской жизни» купцы – яркая противоположность наивным и честным туземцам. Купец непременно хищник, который обманом, хитростью, насилием, убийством умножает свои капиталы. Для них нет ничего святого: ни креста, ни обета. Они беспринципные сластолюбцы, признающие лишь власть капитала. В очерках и рассказах купцы предстают в провинциально-патриархальном обличье: от затрапезных, тупо расчетливых, примитивно мыслящих, глухих к человеческому страданию до отталкивающе развращенных, жестоких в погоне за рублем, в противовес искренним, наивным, верным инородцам, на стороне которых симпатии Шишкова. Моральный критерий жизненной оценки Шишкова можно выра-

зить его словами: «Надо жить так, чтобы горизонт твоих дел становился все светлее, все выше...», «Чистая юность – залог счастья всего человечества...» – противоречит жизненным принципам купцов, в основе которых – умножение капитала.

С 1918 по 1932 г. Шишков работает над романом «Угрюм-река», который завершил сибирскую тему в его творчестве. Прохор Громов, как и большинство персонажей-купцов Шишкова, противоречивая и в нравственном отношении несостоявшаяся личность. Низменные привычки и хозяйски – властные устои семьи, деда и отца, брали верх над его умственными способностями и природным талантом. Жизнь Прохора Громова – это путь нравственного опустошения человека. Его злоключения не случайны: вместе с богатством к нему приходят и семейные грехи. Ослепленный гордыней Прохор утрачивает веру. Он доходит до полного эгоцентризма, утверждения вседозволенности: «Я сам себе все разрешаю!» Он собирается стать полным владыкой края.

Но дело не только в личности Прохора. У Шишкова выкристаллизовывается мысль, что капитал сам по себе отравляет человеческую душу, подчиняет своей «воле», своим законам. «Золото оно – ого! – грех в нем», – говорит Филька Шкворень. Человек оказывается во власти единственной цели – преумножении капитала, средства для её достижения не важны: «...лишь бы наспех урвать как можно больше золота, а потом и бросить. Прохор был в этом деле заправским хищником крупного масштаба» [26. С. 119].

Жизнеспособность человека определяется наличием у него непреходящих вечных ценностей: высокой нравственности, гуманизма, любви, этических устремлений [26. С. 158]. Купечество, изображенное Шишковым, далеко от этих ценностей, поэтому нежизнеспособно.

Следует отметить, что личность предпринимательского типа не вписывалась в привычные нормы русской культуры. Это предопределило и то неприятие купечества/буржуазии, которое характерно для русского общества. Несомненно, что литература отражала настроения, существовавшие в обществе относительно предпринимательства и судьбы капитализма в Сибири и России в целом.

Соглашаясь с авторами о недопустимости купеческих злоупотреблений, махинаций, выделяя неприятия и патриархальность развлечений, нравов купцов (особенно выходцев из народной среды), нельзя забывать о роли купечества в преобразованиях края, его стремлении к просветительству и благотворительности.

Литература

1. *Зиновьев В.П.* Купеческая семья Кухтериных / В.П. Зиновьев, Н.М. Дмитриенко // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 191–203.
2. *Менеджеры Сибири. XIX – начало XX вв.* // К истории предпринимательства в Сибири. Материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 38–42.
3. *Родюковы* // Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-экономическая жизнь и культура: К 70-летию члена-корреспондента РАН Л.М. Горюшкина. Новосибирск, 1997. С. 86–94.
4. *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории. Томск, 2009. 308 с.

5. *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века : управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 280 с.
6. *Скубневский В.А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. Барнаул, 2003. Ч. 1, 2.
7. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 358 с.
8. *Кошенова Н.Ю.* Источники личного происхождения о сибирском купечестве второй половины XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.
9. *Иртыш*, превращающийся в Ипокрену. 1791. Авг. С. 54; 1790. Янв. С. 26–29.
10. *Баснин П.П.* Из прошлого Сибири. Мученики и мучители // Исторический вестник. 1902. № 11. 544 с.
11. *Копцева Т.В.* Тобольские купцы на должности церковных старост // Словцовские чтения-2002. С. 67–68
12. *Калашиников И.Т.* Дочь купца Жолобова: Роман, извлеченный из Иркутских преданий. Иркутск, 1985. 640 с.
13. *Калашиников И.Т.* Записки Иркутского жителя // Русская старина. СПб., 1905. 192 с.
14. *Ершов П.П.* Стихотворная сказка Ершова Петра Павловича «Конек-Горбунок», приметы, пояснения снов и т. д. Тетрадь списков. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 214. Оп. 2. Л. 33.
15. *Ершов П.П.* Дедушкин колпак // Сузге: стихотворения, драматические произведения и проза. Иркутск, 1984. 464 с.
16. *Ершов Петр Павлович*, поэт. Газетные и журнальные вырезки с пометками о П.П. Ершове / Нива. 1898. № 46 // РГАЛИ Ф. 214. Оп. 1. Ед.хр. 25.
17. *Словцов П.А.* Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. // Письма из Сибири. Тюмень. 1995. С. 20, 66.
18. *Полевой Н.А.* Избранные произведения и письма. Л.: Худож. лит., 1986. 580 с.
19. *Авдеева-Полевая Е.А.* Записки и замечания о Сибири с приложением старинных русских песен. М., 1837. 156 с.
20. *Знаменский М.С.* Исчезнувшие люди : повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка / М.С. Знаменский, Н.А. Белоголовый. Иркутск, 1988. 285 с.
21. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1865. Т. 2. 276 с.
22. *Омулевский-Федоров И.В.* «Наброски сибирского поэта. Фельетон». Рукопись // РГАЛИ Ф. 371. Оп.1. Ед. хр. 7. Л. 1+об.
23. *Наумов Н.И.* Из летописей кулачества: (Сцены) // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875–1876. Т. 1, рубр.: К этнографии Сибири. С. 1–24.
24. *Станюкович К.М.* Не столь отдаленные места // Сибирская газета. 1886. № 50.
25. *Шишков В.Я.* Угрюм-река. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. 459 с.
26. *Ачатова А.А.* Проблема героя и стиля в творчестве писателей-реалистов начала XX в. // Проблемы идейности художественной литературы. Томск, 1969. 158 с.